

ВОПРОСЫ ФОНЕТИКИ БЕЛОРУССКОГО АКТОВОГО ЯЗЫКА XVI в.
По материалам судебной (актовой) книги Каунасского земского суда
1566-1567 гг.

А. К. АНТОНОВИЧ

Настоящая статья является частью исследования, посвященного изучению языка хранящейся в отделе рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса судебной (актовой) книги Каунасского земского суда 1566—1567 гг.¹

Книга представляет собой хорошо сохранившуюся рукопись на бумаге объемом в 237 листов формата 21×32 см. Она написана белорусской разновидностью кирилловской скорописи² на старом белорусском языке, употреблявшемся, как известно, в качестве официального языка в XVI—XVII вв. в судах бывшего Великого Княжества Литовского, в том числе и в судебных местах этнографической Литвы. В официальных документах того времени он называется языком русским. Такое его наименование находим и в известном постановлении Литовского статута о том, что „писарь земський маеть по руску, литерами и словы рускими вси листы, выписы и позы писати, а не иншимъ езыхомъ и словы“ (IV, I). Однако ввиду того, что этот язык по своим фонетическим, морфологическим и др. особенностям является языком белорусским, называть его будем белорусским, только для отличия от современного белорусского языка будем прибавлять слово „старый“³. В белорусской советской лингвистической литературе, как например, в изданиях Института языкознания Академии наук БССР, за ним закрепилось белорусское наименование „стараяжная беларуская мова“⁴.

Текст Суд. кн. состоит из 721 записи разного содержания. Основную их часть составляют жалобы и заявления лиц разных сословий по поводу побоев и оскорблений, разных краж и грабежей, незаконного за-

¹ В дальнейшем — Суд. кн.

² Ср. Л. В. Черепнин. Русская палеография, М., 1956, стр. 377—385.

³ Ср. Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. [I], Вильна, 1904, стр. 425. В дальнейшем — Бел.

⁴ Нарысы па гісторыі беларускай мовы, Мінск, 1957.

хвата земельных угодий и т. д. В них отражается общественный быт людей, их нравы и обычаи. Имеется ряд записей о бегстве крестьян от своих господ, как напр.: „служебник п[а]на моег[о] 8тек“ 27, “8текла дей ыт менѣ девка на има барбара,, 82, “дна семого августа 8 четвергь на эмерхайни 8тек з везен[ь]я моего чоловіекъ мой властны на има станис петрович“ 235; а с 28 листа книги до нас дошел крик сжигаемой на костре за колдовство и знахарство женщины: „и шстатънемъ словомъ, вже запалена ыгнемъ на панее свою волала, иж для паней своей с того света иду“.

Одна запись занимает в среднем значительно меньше одной страницы. Только несколько из явленных в суд продажных и дарственных грамот, а также духовных завещаний достигают 2—3 страниц.

В книге совершенно ясно можно отличить 9—10 почерков — ее писали 9—10 писцов. В графике и орфографии отдельных писцов больших различий не наблюдается. Лишь писец листов 28—29, 79—80, 104—107 выделяется последовательным написанием *ы* после *р* и шипящих звуков.

Основная задача исследования в целом заключается в том, чтобы изучить язык Суд. кн. как памятника старой белорусской деловой письменности, возникшего на литовской языковой территории, обращая при этом внимание на отражение в нем элементов литовского языка с целью установления народности писцов или их происхождения с той или иной языковой среды.

Само собой разумеется, что уже сам факт возникновения нашего памятника на несомненно литовской языковой территории не может не оставить каких-либо следов литовского языка в этом памятнике. В тех же случаях, когда и писец оказывался членом литовской языковой среды, элементы литовского языка проявлялись в еще большей степени, а некоторые особенности белорусского языка в таких условиях особенно выделялись и давали дополнительный материал для суждения об этих особенностях.

В своей работе мы и проводим наблюдения над белорусским языком в особых условиях чужой, в данном случае литовской, языковой среды.

В настоящей статье излагаются только вопросы фонетики.

В приводимых в статье примерах из Суд. кн. по техническим причинам проводятся следующие упрощения текста оригинала:

1. Аббревиатуры раскрываются, причем надстрочные буквы вводятся в строку, а пропущенные в аббревиатурах буквы заключаются в квадратные скобки, например: г^дра—г[о]с[по]д[а]ра, п^на—п[а]на.

2. Все надстрочные буквы вносятся в строку, причем: а) после вносимых в строку мягких согласных в середине и в конце слова пишется заключенная в квадратные скобки буква *ь*, например: т^око—тол[ь]ко, к^око—кол[ь]ко, пе^н—пен[ь]; б) буква *ѣ* после вносимых в строку твердых согласных ни в середине, ни в конце слова не пишется: при^на^н са—признал са.

В следующей таблице даются изготовленные фотографическим путем начертания кирилловских букв Суд. кн., их звуковое или числовое значение, а также применяемая в статье транслитерация.

Азбука Судебной книги
и передача ее букв в статье

Зрание букв Суд. кн.	Их значе-ние	Трансли-терация	Начертание букв Суд. кн.	Их значе-ние	Трансли-терация
а а а а а	б	б	а а а а а	у	8
б б б б б			б б б б б		
в в в в в			в в в в в		
г г г г г			г г г г г		
д д д д д	ж	ж	д д д д д	у	у
е е е е е			е е е е е		
з з з з з			з з з з з		
и и и и и			и и и и и		
к к к к к	6	6	к к к к к	ш	ш
л л л л л			л л л л л		
м м м м м			м м м м м		
н н н н н			н н н н н		
о о о о о	10	10	о о о о о	щ	щ
п п п п п			п п п п п		
р р р р р			р р р р р		
с с с с с			с с с с с		
т т т т т	р	р	т т т т т	60	60
у у у у у			у у у у у		
ф ф ф ф ф			ф ф ф ф ф		
х х х х х			х х х х х		
ц ц ц ц ц	р	с	ц ц ц ц ц	ф	ф
ч ч ч ч ч			ч ч ч ч ч		
ш ш ш ш ш			ш ш ш ш ш		
щ щ щ щ щ			щ щ щ щ щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а			а		
б			б		
в			в		
г			г		
д			д		
е			е		
ж			ж		
з			з		
и			и		
к			к		
л			л		
м			м		
н			н		
о			о		
п			п		
р			р		
с			с		
т			т		
у			у		
ф			ф		
х			х		
ц			ц		
ч			ч		
ш			ш		
щ			щ		
ъ			ъ		
ю			ю		
а		</			

I. ВОКАЛИЗМ

Аканье

Аканье, то есть переход безударного *o* и *e* ('*e*) в *a* ('*a*) или очень близкий к нему звук, является, как известно, характерной звуковой чертой современного белорусского литературного языка и абсолютного большинства его говоров. Следует признать доказанным и факт существования аканья в живом белорусском произношении в XVI в. — во время возникновения изучаемого нами памятника (Бел., II, 1, 133 — 141)⁵. В дальнейшем нам предстоит ответить на вопрос, отразилось ли сколько-нибудь аканье в Суд. кн., возникшей на литовской языковой территории, и, следовательно, существовало ли оно в живом произношении писцов последней.

С этой целью рассмотрим несколько относящихся сюда явлений. В Суд. кн. случаи написания *a* на месте безударного *o* в словах славянского происхождения представлены очень скупо. Они сводятся к нескольким примерам: *ѡ гай галешниковы* 90, (там же: *з голешнику*), *да заплаты* 106, *каторая* 183. Несмотря на форму *выгону* 56, 65 об., *выгоны* 72, *выгон* 40, нет аканья в примерах: *заганяючы* 4, *заганати* 213 а, *выганат[ь]* 4, *выганати* 24, *выганяючы* 131. В приведенных примерах перед нами не фонетическое, а морфологическое явление. Тут *a* служит для выражения многократного вида рассматриваемого глагола.

Обнаружено также несколько случаев написания *a* на месте безударного *o* в словах иноязычного происхождения, в том числе и в собственных именах: *арганисту* 67 об., *берташевича* 53, *аршулю* 40 об., *аршулюю* 60 об. (но на этом же листе: *оршули*).

О существовании аканья в произношении писцов косвенно свидетельствует и появление *o* на месте ожидаемого безударного *a*. Такой переход объясняется тем, что в произношении писцов *o* и *a* безударные обозначали совершенно сходный звук, поэтому они считали возможным употреблять одну букву вместо другой. Если же писец сознательно представлял аканье, как отступление от принятой орфографии, то он на месте безударного *a*, как и на месте безударного *o*, предпочитал писать букву *o*⁶. Это так называемый сверхнормализм (Станг) или ложноэтимологический принцип написания слов (Карский). Такой переход *a* в *o* нами обнаружен только в двух исконно белорусских словах: *нороги* 59, *зостанѡ* 22 (*a естли зостанѡ которого пасучи на своих сеножатех, кажу им ѡтбити ноги, руки*). Нет, конечно, перехода *a* в *o* в следующих примерах: *розным* 221, *розных* 235, *розумеючы* 152, *розуме* 3, 24 на *роботу* 58 об., 155 об., *роботникомѡ* 94 об., *ровны* 24, 38. Нет такого перехода и в словах с приставкой *роз-* (*рос-*): *розкидали* 204, *розмовы* 1, 67 об., *роскопал* 52 и др.

⁵ Ср. также *Ch. S. Stang. Die Westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*, Oslo, 1935, S. 63. В дальнейшем—WRKS; *Ch. S. Stang. Die Altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk*, Oslo, 1939, S. 41, 105. В дальнейшем—ARUS.

⁶ Ср. *Е. Ф. Карский. Западнорусские переводы псалтыри в XV-XVII веках*, Варшава, 1896, стр. 178. В дальнейшем—ЭПП,

Значительно больше случаев написания *o* на месте безударного иноязычного *a* в словах заимствованных из разных языков в разное время: *шапка оксамитная* 95 об., *з оксамитомъ* 140, *оксамиту* 191, *шапка оксамитна* 223, *оксамитомъ* 64 об.* (при *аксамиту* 132 об.), *загововал* 142, *згововали* 229; (на том же листе *загамовано*, *загамовал*; ср. пол. *ha-tować* из нем. *hetten*)⁷, *соян* 24, 30 (пол. *sajan* из итал. *saiane*. Вр. Sl. et.), *шлексей* 2 об., 127, *на шлексея* 105 об., *шндreja* 106, (там же *андрею*), *шнисимович* 185, *шлександра* 1, 1 об., (при *александро* 1), *шлександромъ* 79 об.

o на месте иноязычного безударного *a* в приведенных примерах не следует отождествлять с *o* на месте безударного *a* в исконно белорусских словах. Карский (Бел., II, 1, 94) по поводу такого *o* (из иноязычного безударного *a*) замечает: „В подобных случаях уже в древнейших памятниках русского языка, а часто и старославянского на месте иностранного *a* обыкновенно бывает *o*. Западнорусские памятники, значит, только передают древнерусскую особенность“. Таким образом, в написаниях *o* в рассматриваемых здесь иноязычных словах нет сверхнормализма, а в написаниях с *a* следует видеть аканье, то есть произношение безударного *o* как *a*. Интересно отметить, что в Материалах Срезневского⁸ *оксамит* находим в памятниках XII—XIII вв., а *аксамит* в более поздних источниках.

Отметим еще *a* (*'a*) на месте безударного, главным образом в иноязычных словах, *e* (*'e*): *гарасима* 162 об., *на томъ гарасиме* 163, *секратара* 52, *кашталяной вытебской* 82 об., *каспара* 181 (дважды), 185, *п[а]на каспаровича* 192, *ал[ь]жбеты* 9, 75, 210 об., 216, 227 об., *ал[ь]жбете* 3 об., *ал[ь]жбету* 66 об., 68, *альжбетою* 122 об., *алену* 170, *алене* 38 об., (но *шлену* 194), *мусяли* 98, *яхима* 125. В написании *шлену* можно видеть ложноэтимологическое написание *o* на месте *a* из безударного *e*, что обозначает, что писец отождествил *a* из безударного *e* с *a* из безударного *o* и поэтому нашел возможным в рассматриваемом слове написать букву *o*. Совпадением в произношении писцов безударных звуков *o* и *e* в одном звуке *a* или близком к нему звуке объясняется и написание *o* на месте безударного *e* в польском глагольном окончании I лица ед. ч. прош. вр., напр.: *виделомъ* 3, 63 об., *виделом* 3, 4 об., 9 об., 12 об. (там же *приехали*), 15 об., 22 об., 23, 25 об., 26, 30 об., *бачилом* 92 об., *вызвало* 83, *ехаломъ* 95, 192 (там же *догонишемъ*), *казалом дей был* 141 об., *мусиломе* 106 об. и т. д.

Сверхнормализмом объясняется и написание *o* на месте безударного *e* после шипящих и *p*, что также, хотя и косвенно, свидетельствует о существовании аканья в произношении писцов. Последнее явление более подробно рассматривается дальше (см. стр. 91).

⁷ А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1927. В дальнейшем — Вр. Sl. et.

⁸ И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1-3, СПб, 1893-1902.

Переход *a* (*'a*) в *e*

Характерной чертой письма Суд. кн. являются написания в неударных слогах *e* на месте *a* после мягких согласных, а также после шипящих, *ц* и *р*. Эта особенность характеризует и всю белорусскую письменность XV—XVII вв. (Бел., II, 1, 104-111; ЗПП, 181; WRKS, 70). Такому переходу подвергается *a* (*'a*) из основных славянских *а*, *я*.

Примеры из Суд. кн.: *a*) после мягких согласных: *възли* 119 об., 134, *десѣт[ь]* 132 об., 27, 111 об., *звезавшы* 144, *отнели* 42 и *отняли* (там же), *отнѣт[ь]ѣ* 140, 141 и *отнят[ь]ѣ* 45 об., *пѣдѣсят* 33 об., *до всихъ святыхъ* 204, *свѣтого петра* 49, *отъ свѣтог[о] михала* 20 об., *по свѣтой тройцы* 18 об., *свѣтого юр[ь]я* 2, *възвалъ* 160 об., *верхъ ѣцѣли* 199, (но *верхъ ѣцѣты* 199 об.), *чѣлѣди* 161, *чѣлѣд[ь]* 27 об., 55 об. (и *чѣлѣдѣ* 128 об.), *деревеныхъ* 229 об., *деревеную* 198, 203, *пѣтьдѣсѣтъ* 237, *пѣти* 17 об.;

b) после *j*: *бѣзъ прѣтѣльѣй* 140 об., *с прѣтѣлемъ* 139 об., *прѣтѣлѣ* 219, (но *прѣтѣл[ь]скимъ обычаемъ* 33 об.), *с поессомъ* 209, *сѣели* 44, *засѣелъ* 27 об., 138 (но возможно и *я*: *засѣялѣ* 125 об., *посѣял* 40 об., *засѣяли* 57), *ѣмненемъ* 27 об., *ѣмненю* 213 *a*, *ѣрослава* 48 об., *ѣрославомъ* 147, 148, *ѣнковици* 87, 172 об., *ѣнковица* 110 об., 201, *ѣнковичовъ* 156 об., (но там же *ѣнковичовъ*), *ѣдвиги* 231, *ѣдвигѣ* 175, 191, 208, *ѣдвигѣ* 184, *ѣдвигою* 145, *ѣдвигу* 98 об., 40 об., *ѣдвигу* 175, (но *ѣдвигу* 111, 132 об., *ѣдвигою* 133);

в) после шипящих согласных, *ц* и *р*: *мѣщенина* 139, 153 об., 155, 204 об., *мѣщенинъ* 204 об. (но *мѣщанинъ* 14 об., 20 об., 64, *мѣщанина* 154), *почѣли* 23 об., *не рѣтовалъ* 143, *трѣдцѣт[ь]* 174, *трѣцѣти* 17 об. (но *двадцѣти* 17 об.), *шѣтеръ* 147 и *шатѣръ* 141, 141 об.

Переход *a* (*'a*) безударного в *e* знают, по Карскому, и некоторые живые белорусские говоры: „Из рассмотрения примеров, взятых из живых белорусских говоров, можно видеть, что переход *a* безударного в *e* особенно распространен на юге и юго-западе Белоруссии. На юге видим совпадение с подобной же чертой северноукраинских говоров, а на западе нельзя не видеть в некоторых случаях влияния знакомства с польским языком, особенно в *-се*, так как в польском *się* носовой элемент не слышится“ (Бел., II, 1, 109—110).

Таким образом, в какой-то части белорусских памятников письменности XV—XVI вв., возникших в Белоруссии и писанных писцами-белоруссами в написаниях *e* на месте безударного *a* (*'a*) можно было бы видеть отражение диалектного произношения. Но само собой разумеется, что у нас нет никаких оснований в наличии таких же написаний в Суд. кн. видеть отражение живого произношения широких слоев населения Каунасского повета. Вот почему нам кажется, что и в памятниках письменности, возникших в Белоруссии и писанных белоруссами в рассматриваемых нами написаниях, не обязательно следует видеть отражение диалектного произношения.

Отметим еще, что в ударном положении на месте исконных звуков *я*, *а* обычно находим написания с *я*, *а*, как напр.: *ѣ пятьницѣ* 213 об.,

в пятицифр 102, 194 об., 205, *сермага* 205, *сермяги* 128, *сермях* 45, до *вряду* 2, *врядника* 69, *врядник* 10 об., в *року*... *шест[ь]десят пятом* 45 и много других примеров. Слово *земянин*, как и многие другие, возможно с *е* и *я*, *а*: *земенин* 21, *земанин* 181, *земянин* 64. Неясно написание *якнет* 161, *земенька* 102, где *е* из *я* под ударением. В словах *прітэлей* 140 об., а также *присегу*, *присеги* 161 об. ударение возможно и на первом слоге (ср. бел. *прыцяцель*, *нэпрыцяцель* РБС⁹, *прісьга* СБН¹⁰). Впрочем и в этих словах возможны написания с *е* и *я*, *а*. В заимствованных из польского языка словах *повет*, *поветовы*, встречающихся в Суд. кн сотни раз, *е* стоит на месте польского *a* из основного *ь*.

Переход *е* в *о* (*ё*)

Переход *е* в *о* в наших текстах следует отметить прежде всего после шипящих *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, а также после *ц* и *р*. Этот переход наблюдается только тогда, когда после рассматриваемого *е* нет мягкого согласного, причем следует различать переход ударного *е* в *о* и переход безударного *е* в *о*. Первый переход представляет собой, несомненно, фонетическое явление, а второй — это графическое явление, основанное на ложноэтимологическом принципе обозначения буквой *о* не только звука *о*, полученного из *е* ударного, но и из *е* безударного. Фактически же это был звук, близкий к звуку *а* (см. стр. 88, 105, 106, ср. также Карского и Станга).

Примеров перехода ударного *е* в *о* очень много, но мы приведем только часть из них: *жонка* 130, *жонце* 78 об., *жонку* 110, 220, *жонками* 110, *боты жонскиш*, *соян жонски* 30, *на чоле* 13 об., 65, *в чоле* 59, *чолом* 30, *шапка чорна* 161 об., *ыксамиту чорного* 191, [*сукню*] *чорную* 132, *шапъка чорная* 120, *под плечом* 174 об., *пчолы* 17, *пчол* 128, *на пчолы* 161, *шолку* 175 об., *шолком* 126 об., *шолкомъ* 162 об., *шостог(о)* 18 об., 30, 144 об., 161, *шостым* 15, *шостого* 126 об., *нашодши* 26, 26 об., (там же *нашетиши*), *нашол* 29, *пришол* 18 об., *берозовым* 52 об., *трох* 128 об., *трохъ* 122 об., *чотырох* 17 об., *погпрокъ* 214 об. После *р* возможны и написания с *е* (*цотырех* 125, *чотырех* 30), где следует видеть влияние традиционного правописания. В слове *уже* в большинстве случаев находим *о*, но довольно часты и написания с *е*, напр.: *ѡжо* 68 об., 72, 95, 139 об., 153 об., 156 об., 197, *вжо* 8, 95, *вже*, *вже* 12, 19, 20 об., 78 об., 134 об., 141, 155, 181 об. В слове *еще* находим только *е*, напр.: *еще* 3, 115, 137, 152, 237.

Много и случаев перехода безударного *е* в *о*, напр.: *жоне* 30, *жону* 49, *на жону* 16 об., *жоноцкую* 75, *сажон* 128 об., *чотыри чоловеки* 51 об., *цотырех* 125 об., *ночовал* 29, *на чотырех* 30, *чаровницу* 74, 167 об., *врочищом* 41 об., *вышол* 19 и др.

После мягких согласных обычно находим *е*, так как писцы полученного таким путем звука *о* не умели обозначать, буквы *ё* в старинной аз-

⁹ Русско-белорусский словарь, М., 1953.

¹⁰ И.И. Носович. Словарь белорусского наречия, СПб, 1870.

буке не было. Только в нескольких случаях на месте *e* после мягких согласных находим букву *o*, имеющую, видимо, значение буквы *ё* современного алфавита: *козол двулетны 161, дня вчорашного 67, приетелом 179*. Последний пример сомнительного достоинства, в нем *-ом* может обозначать польское окончание дат. пад. множ. числа. Переход начального *e* в *o* после *j* имеем только в одном случае: *задали шмо ся ему были на слржбу 30*. Обычное написание этой формы глагола *есмо*.

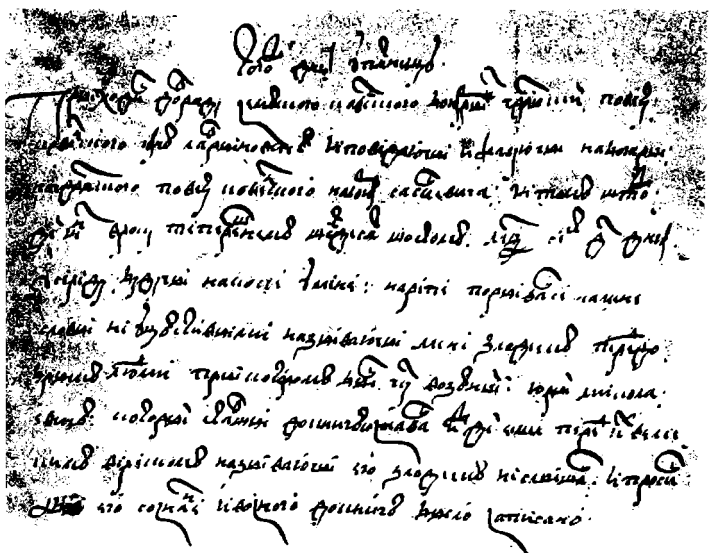

Рис. 2. Образец письма судебной (актовой) книги Каунасского земского суда 1566—1567 гг. Лист 104. Часть страницы.

После отвердевших согласных *ж, ч, ш, щ, ц* и *р* ударный и безударный звук *e* в *o* не переходит, когда после него следует мягкий согласный, как напр.: *шесть 8, сермягу женьцкую 134* (но *жонски 30, жоноць сую 75*), *челед[ь] 27 об., щелед[ь]ю 3 об., челядина 79, шерстью 20*. И предлоге через всегда пишется *e*.

В написании отдельных слов возможны колебания: *чемь 88, чем[ь] 106 об., чомь 55 об., на челе 126, на чоле 13 об., 65* и много други: примеров.

Замены праславянских слогов *рѣ — рь, лѣ — ль*

Известно, что прасл. слоги *рѣ — рь, лѣ — ль* в положении между огласными в белорусском и украинском языках дали в ударном положении *ро — ло*, а в безударном *ры — лы, ри — ли*, тогда как в русском языке

Замена праславянских слогов *bj*, *tj*

Прасл. сочетания *bj*, *tj* (церковнославянские *ѣи — ѣи*, *иѣ — ѣи*) в Суд. кн. дают *ѣй — иѣ*, *ѣи — иѣ*:

1) в слове *шыя*: на *шии* 49 об., 110, 8 *левой стороне шии* 92 об., за *шию* 99 об., 160, за *шыю* 135, *шию* 12 об.:

2) в окончании им. пад. ед. ч. полных прилагательных муж. р.: *ѡремыи* 91, *потребныйи*, *гнедыи*, *рыжи* 205, 208, *сосновыйи* 128 об., 142 об., *чорногровыи* 229, *штыховыи* 222, *г[о]с[по]д[а]рьскыйи* 103, 104, *молодшыи* 102, *серебреныйи* 102, *велкии* 98 об., *дубовыи* 171, *новыи* 24, 211, *вол[б]ныи* *похожыи* 30, *кормаловскыйи* 148. *поветовыи* *ковенскии* 190 и т. д.

Переход *и* в *ѣ*

Здесь относятся два разных явления. Рассмотрим прежде всего случаи перехода *и* в *ѣ* в зависимости от предшествующих им согласных звуков.

1) Переход *и* в *ѣ* после шипящих звуков *ж*, *ш*, *ч*, *щ* и *р*, *ц*: *пан хоружыйи* 119 об., *тыи межыи* 190 об., *ѡт невяжыи* 50, *межыи* 10, *жыто* 104 об., *шынков ѡжывали* 80, на *иржыца* 115, по *жыводе мѡзмѣ* 79, *мужыцкыи* 127 об., *ножыи* 122, *хотѣчыи ѡтпочынут[б]* 119 об., *ѡповѣдаючыи* и *жалуючыи* 28, 100, 155, *будучыи* 28, 137, 155, *повѣдаючыи* 155, не *хотѣчыи* 167 об., *чынечыи* 79, *ѡручыи*, *складаючыи* 184, *венциковычи* 9 об., *немеровычи* 22 об., *ѡтечыи* 106 об., *пѣючыи* 28, *ѡчынено* 131 об., *мѣшаючыи* 184, *милѡючыи* 144 об., *лист купчыи* 45, *товарышыи* 14 об., *перенѣшыи* 163, *небощытыи* 133, *прывлащытыи* 120 об., с *каплицыи* 69, *луцыю* 110 об., *прудцыи* 44 об., *дверыи порубал*, *дверыи вырѣбал* 172, *рыкун[б]я* 168 об. В большинстве случаев, придерживаясь традиционного правописания, после шипящих и после *р* писцы писали букву *и*. После *ц* всегда находим *ѣ*. Написания *ѣ* после шипящих, а также после *р* и *ц* следует объяснять, как в своем месте постараемся доказать, твердостью указанных согласных.

2) Переход начального *и* в *ѣ* происходит после предлогов *в* и *з*: *з ѡл[б]ѣю* 140 об., 141, *з ѡмен[б]я* 112 об., *в ѡмен[б]ѣ* 184 об., *в ѡмен[б]ю* 183, *з ѡншыи* 105 об., *з ѡншихъ* 103, *з ѡншыи* 4, 14 об., 30 об., 31, 52, 55, 88 об., 179 об., *з ѡншою братю* 117

3) Переход *и* в *ѣ*, а также обратное явление, то есть появление *ѣ* на месте ожидаемого звука *и*. Здесь мы имеем дело не с заменой одного звука другим звуком, а со смешением этих звуков. Случаев смешения указанных звуков в Суд. кн. очень много. Они свидетельствуют, вместе с другими данными, о литовском происхождении соответствующих писцов. Известно, что литовский язык звука *ѣ*, имеющегося в белорусском языке, а также в русском, польском и в других славянских языках, не имеет. Свидетельствуют литовцы в XVI в., как и в настоящее время, славянский звук *ѣ* произносили, как *и* или близкий к нему звук. Этим и следует объяснять появление *ѣ* на месте ожидаемого *ѣ*. Стараясь же выдержать правильное, с точки зрения белорусского языка, распределение звуков *и* и

ы, писцы-литовцы попадали в другую крайность — на месте звука *и* и появлялась буква *ы*. Можно было бы рассматриваемое смещение звуков *и* и *ы* объяснить влиянием украинского языка, но при отсутствии других фонетических черт последнего, и прежде всего ввиду совпадения в ударном и безударном положении *ь* и *е* в одном звуке *е*, как это свойственно белорусскому языку, объяснение рассматриваемого явления влиянием украинского языка не имело бы под собой никакого основания. Примеры написания *и* на месте *ы*: *не везали са...* & бички 4 лонские 171, *э белімъ плат[б]емъ* 196 об., *сена два вози* 69 об., *три вози* 77 об., *два вози* 93 об., *выпратывати* 204, *вижей локтя* 215, *по вичтен[б]ю тог[о] листу* 145 об., *волоси* 71, *подданных п[а]на венцлавових* 156 об. (там же *венцлавовых*), *дотиче* 142, 145, *досит[б] вчинил* 19, *доведываючы ся* 114, *держими* 68 об., *добивши меча* 223 об., *зъспивавшы* 231, *выкопывали* 78, [с] *корчми* 210, *капусты шестнадцат[б] град посекаъ* 121 об., *откидывають[б]* 170, *вкидывати* 180, *оказывал* 85, 77 об., *оказывали* 104, *с пузиркомъ* 65, *на потилицы* 163, *прислал* 73 об., 74 об., 96, 183, 186, 187 об., 201, 218 об., *прислала* 71 об., 82, 176, *послала* 82 об., *с тог корчми* 176, *послал* 139 об., *послаламъ* 199, *ечмен[б] пожати* 99, 3 *рази тато* 149 об., *строкати* 208 об. (там же *строкаты*), *соломи возов полтрета десят* 139, *старости крожского* 68 об., *старости ковенского* 67 об., *был есми взыти выжомъ* 150, *набитыми* 144 об., *хороми* 204, *тижден[б]* 4. Слова *тысяча*, *нынешний* в белорусской актовой письменности XV—XVII вв. всегда писались с *и*, а следовательно, такое написание может не быть результатом смещения звуков *и* и *ы* на литовской почве (ср. Бел., II, 1, 235—237; WRKS, 65).

Многочисленны и случаи появления *ы* на месте *и*, что на литовской почве следует считать сверхнормализмом. Примеры: *кашталяновой вытебской* 82 об., *быти* (вм. *бити*) 155, *два збы передных верхних выбитых* 189 об., *з волмы* 4 об., *выпыхати* 24 (при *выпихати* 24 об.). В слове *выпыхати* *ы* можно было бы объяснить влиянием польского языка; *гусы мои* 71, *на долоны* 219, *звозыли* 28 об. (при *звозити*; там же), *лысыну* 162, *под лозынымъ кустомъ* 15, *мы* (вм. *ми*) 20, 229 об., *отвозыли* 103 об., *отповедаты* 137 об., *одынаццатого дня* 211, *пошлы мы до дома* 176, *розметалы* 21, *спалиты* 204, *две свырепе, саны* 149 об. (там же *сани*), *згинулы свырепы тры* 213 (там же *свирепы*), *пят[б] ран сыневых* 61 (при обычном *синевах*), *был есми взыти выжомъ* 150, *нывы* 3, *з нымъ* 144, *на них* 178 об., 151 об., *до них*, *от них* 194 об. (там же & *них*), *юр[б]евычы* 184, *яновыч* 41, *тывуна* 208 об., *езоэв кнезыкович* 191 об., *выжован[б]* 206 об., *дырван* 204 (при обычном *дирван*).

Отметим еще *ы* на месте *и* после *д* и *т* в некоторых собственных именах иноязычного происхождения, как напр.; *бenedыктывну* 187, *валентывну* 59 об. Нам кажется, что написание с *ы* после *д* и *т* в иноязычных собственных именах, а также в слове *дырван* обусловлено так называемым дз=каньем и цеканьем, почему мы их более подробно рассмотрим в соответствующем месте.

Дифтонги *ie*, *uo* (= лит. *ie*, *uo*)

Несомненно литовские дифтонги имеем в следующих примерах: (*сеножать*) *Ѹрочищомъ Ѹ полиепахъ* 232, *на ниве Ѹрочищомъ будавиетис* 236, (*кгрунт*) *попиеви троки* 149 об., *бродячи Ѹ поборе жиездзенскомъ* 23 об., (*сеножать*) *Ѹ рокгууляхъ* 72 (дважды), *вся сеножать ... в рокгууляхъ* 201 об., (*сеножать*) *Ѹрочищомъ паракгуулис* 225 об., *петра ювда* 216, *ювтко* 66 об. (дважды), 67, *ювткович* 83 об., *ювтковица* 225 об., 235, *ювткович* 225 об., *Ѹ медыекшахъ* 220 об., *Ѹ полю медыекшенскомъ* (там же). В двух последних примерах написание с *ye* вместо ожидаемого *ie* (лит. *ie*) обусловлено, видимо, предшествующим этому дифтонгу звуком *ɔ*, то есть является отражением деканья (см. далее).

О литовском происхождении дифтонгов *ie* и *uo* (лит. *ie*, *uo*) свидетельствует прежде всего тот факт, что они выступают в словах литовского происхождения (в литовских собственных именах). Кроме того, как свидетельствует Карский (Бел., II, 1, 126), имеющиеся в южнобелорусских говорах дифтонги совершенно не нашли отражения в старой белорусской письменности. Отсутствуют дифтонги и в Суд. кн. в словах славянского происхождения.

В заключение отметим, что в тех же самых словах, в которых нами отмечены дифтонги *uo* и *ie*, обнаружены и недифтонгические написания, напр.: *яна ютковича* 98 об. (*у* на месте *uo*), *Ѹ рокголяхъ* 109 (о на месте *uo*), *викес пива* 97 (*и* на месте *ie*).

Полногласие

В Суд. кн., как и в современном белорусском литературном языке, а также в белорусских говорах, полногласие выражено очень ярко. Примеров полногласных форм настолько много, что мы считаем целесообразным привести здесь только часть из них: *берегу*, *берега* 21, *березового* 222 об., *берозовым* 52 об., *берозѸ* 218, *з болотомъ* 127 об., (*жону*) *беременную* 89, *з бороды* 60, 236, *боронючи* 33, *при бороноволоках*, *бороноволочъ* 204, *боронит(ь) ся* 155 об., *з волостью* 233 об., *з волост(ь)ю* 22 об., *волосы* 13, 60, *вороног(о)* 32, 114, 214 об., 218, *вороты* 10, *воротные* 172, *верескомъ* 104, *з головы* 60, *головицзну* 178 об., *голодом* 140, *голос* 209, 215, 90 об., *на дърее* 131 об., *долоню* 129, *на долони* 136 об., 193 об., *дорозе* 3, *дорогу* 225, *дороги* 10, 117 об., *с колодеза* 106 об., *на дошках воротных* 149 об., *коровы* 17, *золотых пол(ь)скихъ* 16, 121, *золотых черленых*, *золотых вилипков* 168 об., *золотых чырвоных* 121, *короля* 8, 49, 24 об., *королевского* 15, 203 *королевской* 18 об., 38 об., *королевской* 67 об., *королю* 24, *в короткомъ часе* 2 об., слова с приставкой *пере-*: *перебил* 125, *перевозников* 18 об., *на переде* 191, *перепросил* 19 и др. примеры, *перед* 1, 8 об., 18 об., 95, 106 и т. д., *сторонных* 122 об., *полотна* (дважды) 17 об., 175 об., *полотняный* 128, *соломи* 139, *соромтил* 74, *соромотити* 155, *слова соромотными* 26 об., *сорочка* 205, *сорочок* 31 об., 134, 150 об., 193, *стороною* 8 об., 119 об., 157 об., *сторонамъ*

135, *сторон* 4 об., *хором дворных* 3 об., *хоромин* 128 об., *хоромъ* 204, 89 об., *хоромы* 171 об., *через* 4, 44, *черезло* (*чересло*) 223.

Неполногласные формы в наших текстах, как и в современном белорусском языке, очень редкое явление и представлено только следующими примерами: *вздравен[ь]ю* 78 об., *огродных речей* 77, *хлопа* 109, *хлопята* 67 об., *хлоплат* 118, 118 об., *хлопъцу* 118 об., *хлопца* 167, *з андреем младановским* 108, *сребро* 133, *сребромъ* 116 об., *предокъ* 19 об., *предков* 206, *жона моя была бременна* 13 (при *беременную* 89), *на пал[ь]цу среднемъ* 94, *бронзу* 109 об. Ввиду отсутствия в Суд. кн. сколько-нибудь заметного влияния старославянского языка и при наличии очень сильной польской струи во всех разделах языка (фонетике, морфологии, лексике), приведенные нами неполногласные формы, по крайней же мере абсолютное большинство их, следует считать результатом влияния польского языка, а такие слова как *хлоп*, *хлопец*, *хлопя* являются, собственно говоря, лексическими заимствованиями из польского языка. Слово *хлопец* общепотребительно в современном белорусском литературном и народном языке (СБН, РБС). В слове *бронзу*, если это не описка, начало с польской огласовкой (*бро-*), конец с белорусской (*-зну*) (при бел. *баразна* и пол. *brózda*). Слово *срэбро* в неполногласной форме также широко известно в белорусском языке рядом с полногласной формой *серабро*. Слово *предок* в данной огласовке можно рассматривать как заимствование из старославянского языка (ср. бел. *продак* РБС, *продокъ* СБН, пол. *przodek*).

Отметим еще пример так называемого второго полногласия: *беревеней* 171, 209 (при обычном *бервен* 58 об., *бервен[ь]я* (дважды), *бервен[ь]е* 128 об., *бервене* 218).

ль и е

В Суд. кн. буквы *ль*, *е*, *є* обозначают один и тот же звук. Достаточным основанием для такого утверждения мы считаем смешение этих букв писцами изучаемого нами памятника. Дело в том, что на протяжении всего памятника в тех же самых корнях, а также в составе тех же самых суффиксов и флексий, в которых мы обнаружили букву *ль*, употребляется, иногда десятки и даже сотни раз, также буква *е*, как напр. в словах *повет*, *оветовы*, *лето*. Таким образом, можно смело сказать, что старинный звук *ль* совпал со звуком *е* (из *є* и из *ь*). Следует, кроме того, особо подчеркнуть, что буква *ль* в Суд. кн. употребляется крайне редко. Во всем тексте книги буква *ль* употреблена только несколько десятков раз, из них в корнях слов — несколько раз, а остальные — в составе суффиксов и флексий.

В приводимых ниже примерах будем различать, с точки зрения этимологической, а также с точки зрения традиционного правописания, случаи правильного употребления буквы *ль* и когда она употреблена на месте *е*.

Вот случаи правильного, то есть обоснованного с указанной выше точки зрения, употребления буквы *ль*:

а) в корнях слов:

повѣту ковенског[о] 110 об., 168 об., 169, *возному повѣтовому* 168 об., *лѣта божего нарож[енья]* 79, *лѣта бож[ого] нарож[енья]* 36;

б) в окончаниях наречий:

безвиннѣ 61, 176 об., 182, 168 об., *добровольнѣ* 185, *добрѣ* 156 об.;

в) в окончании предложного пад. ед. числа сущ. жен. рода с оконч. в им. пад. на -а:

на той дотце ег[о] катринѣ 61, *на правой сторонѣ* 89, *на луцѣ* 112, *на рецѣ* 198, *на руцѣ* 215, *на моей властной отчизнѣ* 222 об., *две сосѣ волов* (вин. пад. двойств. ч.) 174;

г) дат. и предл. пад. лич. мест.: *мнѣ* 63 об., 64 об., 81, 81 об., 83 об., 84, 87, 92, 120, 164 об., 168 об., 169, 170, 173, 177, 177 об., 182, 185, 197, 197 об., 215 об., *на мнѣ* 210, *тобѣ* 197.

Буква *ь* на месте *е*: *стѣпана* 97, *боярѣ* (им. пад. мн. ч.) 173 об., 178 об., 213 а об., 213 а, 221 об., *менѣчи* (дееприч. наст. вр.) 190 об., *ѡ менѣ* 237 об., *до менѣ* 66, 177, 210 об., 214, *от менѣ* 82, *межы себѣ* 237 об., *ѡ себѣ* 91, *менѣ* 66, 81, 84 об., 87, 160, 165, 173, 182.

Переход *и* в *й*

Переход *и* в *й* имеем, по-видимому, в выражении *на имя*, в котором предлог *на* и слово *имя* пишутся в большинстве случаев слитно, а вместо буквы *и* пишется паерок [ʲ], напр.: *чоловек вол[ѣ]ны' похожы' на'мя римко екович* 30, *на'ме* 3, 16 об., 20 об., 25 об., 51 об., 90 об., 121, 123 об., 137 об., 143 об., 144 об., 155 об. и много других. В единичных случаях попадаются написания с буквой *и* напр.: *найма* 70, 71 об., 74, 82, 148 об. и др.

Нам кажется, что *на'ме* и *наиме* следует читать *на йме*, причем первое из них (а их большинство) является фонетическим написанием, а второе морфологическим. Впрочем, в некоторых случаях в Суд. кн. буква *и* после гласных обозначает звук *й*. Переход *и* в *й* после гласных, в том числе и начального *и* после конечного гласного предыдущего слова, знает и современный белорусский язык (Бел., II, 1, 229).

Другие явления в области гласных звуков

1. Отметим несколько примеров протетических гласных звуков: *на иржыща* 115, *на моемѣ властномѣ иржыщу* 107 об., *илну* 132 об., *ѡпсле* 99 об.

2. Случай выпадения *и* имеем в приставке *най-* (совр. бел. *най-*): *напервей* 209 об., 216 об. Это явление известно и в других старых белорусских памятниках (Бел., II, 1, 231).

3. В Суд. кн. в ударном и безударном положении безраздельно господствуют *ро-*, *роз-* (*рос-*) в соответствии со старославянским *ра-*, *раз-*: *роблячы* 131 об., *наробили* 235, *робочую* 188, *роботу* 210, *ровны* 38, *в доброй памети* и *розуме* 3, (*в*) *розуме* 24, *розумеючи* 152, *розным* 221, *роз-*

ных 235, роздел 206, розмерити 205 об., розкопали 199, розогнал 22, розсудили 4 об., розѣли 84 об. и т. д.

4. В начале слова господствует восточнославянское *o*, а не старославянское *e*: *кѣ ѡзерку* 143, *блиско ѡзерца* 52, *по конец ѡзера* 60 об., *ѡдин* 6, 204, *ѡдног[о]* 144, *ѡдинадѣцатеро яловиц* 115, *ѡсенног[о]* 20 об. Только в следующих словах-терминах польского происхождения находим в начале слова *e* в соответствии со старославянским *ѣ*: *ѣднан[ѣ]я* 141, *ѣднане* 139, *ѣднал* 204. Огласовку с *e* находим в нескольких словах однокоренных с вышеприведенными и в современном белорусском литературном языке: *ѣднанне*, *ѣднацца*, *аб'ѣднанне*, *аб'ѣднаны*, *ѣднаць* и др. производные слова (РБС). Нормальным же считается в белорусском языке *o* с приставным звуком в ударном положении и *a* (из *o*) в безударном положении, напр.: *восень*, *восем*, *востры*, *адзін*, *адзінка*, *адзіночнасць*, *адзінства* (РБС).

5. В собственных именах иноязычного происхождения (греч., лат.), а также в производных от них фамилиях (отчествах) наблюдается чередование гласных сочетаний *ia*, *ia* с преобладанием последнего, напр.: *андриановичов* 184, *андриановича* 147, *андриановичу* 66, *себестиана* 168, *андрияновичу*, *андрияновичом* 46, *андрияновичу* 120 об., *андрияновича* 147 об., *андрияновичом* 149, *андрияновича* 184, *ѡлериян* 43, *ѡлерияновича* 213 об., *кгобриялович* 43 об.

II. КОНСОНАНТИЗМ

Удвоение согласных

Удвоение согласных в белорусском языке происходит по разным причинам. У Карского (Бел., II, 1, 289—301) указываются следующие причины удвоения согласных:

1) Удвоение согласных в заимствованных из других языков словах. К таким словам в Суд. кн. относятся: *анною* 151 об., *анне* 117 об., *ганна* 103 об. (но *звзаною* 151 об., *ганицы* 79 об.);

2) Удвоение, как правило, происходит при присоединении предлогов-приставок к корню, начинающемуся с той же согласной, которой оканчивается приставка, а также при присоединении суффикса к корню, оканчивающемуся таким же согласным, с которого начинается суффикс, напр.: с *поддаными* 21, *подданым* 98, *подданомъ* 236 об., *подданных* 231 об., *осенног[о]* 20 об., *безвинне* 13 об., *невинне* 26 и т. д.

Довольно часты случаи удвоения согласных, не обоснованные соображениями словопроизводства, напр.: *покосили сенню* 86, *розделом и менною* 151 об., *роззогавшы* 181, *маст[ѣ] винны заплатити* 123 об.

Отметим тут же и обратные случаи, то есть написание одной согласной вместо ожидаемых по словопроизводству двух одинаковых согласных, напр.: *безвинне* 191, 221, 231 об., *кожух ѡвчины* 191.

Уподобление согласных по звучности

Переход звонких согласных в глухие и наоборот

Примеров оглушения звонких согласных в конце и в середине слова перед глухими согласными в Суд. кн. сравнительно немного. Вот примеры оглушения согласных: *парпков* 33, 56 (ср. *парбков* 56 об.), *парпка* 35, 53 об., *парпки* 22, *на хрипте* 59, 75 об., 143 об., *промешку нас* 194 об., *тяжкост[ь]* 30, *три стешки* 83, *четыри стешки* 56, *сермях новых* 17 об., *кних* 184, *в сусетстве* 104 об., *ретко* 24, *выкратиш* 45, *на датка* 173, *дятко* 173 об., *дыятко* 180, *пот* 119 об., *потышита* 132 об., *претков* 19 об., *потстаростему* 123 об., *роскидал* 52, *роскопаны* 132.

Интересно отметить *т* в слове *потданых* 25, куда буква *т* попала, видимо, по каким-то ложноэтимологическим соображениям писца или же по аналогии с приставкой *от-*.

Примеров озвончения глухих согласных перед звонкими совсем немного: *за прозбою* 8 об., 99, *за прозбою* 133 об., *прозбу* 145 об., *ноз збит* 87 об., *хрибет вез збиты* 162 об., *на прозбу* 79 об.

Необоснованы написания *с з* в следующих примерах: *взхочет[ь]* 151 об., *вазни*, *вазнъ* 19, *в якогз нешселог(о) кравчика* 43, *черезло* 213.

Отдельно рассмотрим старинные предлоги-приставки *от*, *от-* и *из*, *ис-*, *из-* в отношении их звучности. В современном белорусском языке, как известно, они имеют вид *ад*, *з*. В Суд. кн. оба предлога употребляются в звонкой и глухой разновидностях: *от-од*, *с-з*.

Предлог-приставка *от* употребляется чаще нежели *од*, причем перед гласными употребляется преимущественно *од*, а перед согласными — *от* и *од*.

Предлог-приставка *з* (*из*) употребляется чаще, чем *с*, причем *с*, как правило, находим только перед глухими согласными, а *з* (*из*) перед глухими, звонкими и сонорными согласными, а также перед гласными.

Примеры употребления предлогов-приставок *от-од*, *с-з* в Суд. кн.:

а) перед глухими согласными: *с того* 4, 8, 20, *с тог* 8, *с пузирком* 65, *с прытужен[ь]я* 79, *с претков* 19 об., 206, *с топором* 49 об., *с калиты* 5 об., 65, *зъ солю* 52 об., *з статком* 16 об., *зъ сыномъ* 89 об., *шт павла* 33 об., *шт пупка* 218, *шт п[а]на* 213 об., *шт п[а]ни* 221 об., *шт селища* 38 об., *вдповеди* 139 об.;

б) перед звонкими согласными: *з быдлом* 3, 3 об., *з братею* 123 об., 214 об., *з двора* 115, *з гневу* 166, *з господы* 44 об., *штбито* 155, *шт давного часу* 211 об., *штдавалъ* 9;

в) перед сонорными согласными: *з лесу* 136, *з люд[ь]ми* 3 об., 236, *штвели* 86, *штвез* 223, *шт людей* 196 об., *шт мене* 151 об., *шт нас* 33 об., *в вдмену* 71, *вдложит[ь]* 145 об.;

г) перед гласными: *зъ яръмомъ* 104 об., *з влицъ* 223 об., *вдышол* 228 об., *вдышила* 190 об., *вдышила* 142 об., *з уздою* 186, *из шпончою* 71 об.

Предлог *с* перед словами, начинающимися с *с* на протяжении всей Суд. кн. систематически пропускается. Приведем примеры: *зложыш есмо на шн*

час стороною противною рок 33 об., едучи ему стодолы до дому 130, стороною людьми добрыми 132 об., зволокшы санок 143, приехали служебники 155, (на роботу ходить) с топором, с клячю, серпомъ, с кошою 155 об., обачивши мнѣ светлицы 175 об., села кавли...до ярморку 10 об., кобылу стада ѳзлз 178 об., взял мя собою 180, я або которы сынов моих 179, вземши собою людей 184, ѳземши собою возного 192, 213 об., 215, 229, 232, (дорога), которая идет[ь] села 199 об., ѳземши собою дрѳгого боярина 207, приведиши собою 211 об., запровадил его собою 216, павел юр[ь]евич слугами 233, ѳземши собою судей 237.

Нам кажется, что приведенные выше примеры отсутствия предлога *с* представляют собой фонетическое явление, возникшее на литовской языковой основе и объясняющееся стремлением писцов-литовцев к упрощению групп одинаковых согласных. Такое же явление отмечено Турской в народном польском языке Вильнюсской области с литовским языковым субстратом. Остается неясным, почему именно упрощение группы *с+с...* проводится с такой последовательностью и совершенно не подвергается упрощению, напр., группа *д+д* в очень часто встречающемся слове *подданный*. Замечена только, как мы уже видели, некоторая неуверенность писцов в передаче *н* и *нн*: то они пишут *нн* вместо ожидаемого по морфологическому принципу *н*, то *н* вместо *нн*: *сенно, безвине* и т. д.

Группа согласный + *вј* + гласный

В Суд. кн. очень много слов, имеющих в своем составе группу *согласный + вј + гласный*. Объясняется это большим количеством отглагольных существительных в нашем памятнике, напр.: *приреченье, пожатье, будовањем* и др. Кроме того, некоторые из них, напр.: *оповеданье и сознание*, употреблены в Суд. кн. сотни раз. Таким образом, в нашем распоряжении имеется очень большой материал для суждения об этом явлении.

Рассмотрим передачу данной группы в Суд. кн.

1. В абсолютном большинстве случаев находящийся непосредственно перед *вј* согласный пишется взметом (над строкой)¹¹: *бервея̇* 58 об. (дважды), *берве̇не* 128 об., *би̇тя* 1 об., 51 об., *би̇те* 8, 46 об., *бра̇тею* 117, *будова̇немъ* 3 об., *взя̇те* 50 об., 8 *збо̇жю* 86 об., *в збо̇жю* 56, *з ы̇лею* 140 об., 141, *при ко̇пайю* 119, *оповед̇ане* 9, 187, *пожат̇я* 63 об., *пожат̇е* 60 об., *прылож̇е̇не* 79 об., *прылож̇е̇я* 79, *приреч̇е̇не* 39, 123 об., *рыку̇я* 168 об., *рику̇ю* 41, 95, *сви̇ню* 17, 26, *созна̇не* 71 об., *суд̇и* 6, 156, *суд̇ею* 79, *суд̇ьями* 1, *ѳголо̇я* 132 об., *указы̇ва̇немъ* 13 об., *выш̇т̇ю* 31 об., *воло̇ст̇ю* 22 об., *совито̇ст̇ю* 20, *к̇ревич* 182 об., *по виде̇ю* 134 об., *по виде̇ни* 137, *при ко̇пайю* 119 и множество других примеров.

2. Примеров написаний как *зеле, судя* в Суд. кн. насчитывается около девяти десятков. Вот некоторые из них: *бервене* 218, *василевич* 103, *до везена* 186, 8 *везеню* 186 об., *по виденю* 1, *по видени* 227 об., 228, 175 об.,

¹¹ По техническим причинам в приводимых ниже примерах он вписан в строку и обозначается черточкой сверху.

збоже 95, зеле 78 об., зранене 84 об., обличе 215 об., оповедане 64, 64 об., 68, 69, 71, 71 об., 72, 97 об., 149, 161 об., 176 об., 186 об., 187, 188 об., 198 об., 215 об., 230 об., пошране 50, 203 об., рикуня 96, рикуня 97, розсыпане 194, свиня (им. пад. мн. ч.), свию 102 об., свиня 161, сознание 161 об., спалене 172, суди 156, 156 об. (дважды), украдене 208 об., шерстю 64 об., 71 об., 208 об., 212.

3. Написание *согласный + ъ + йотированный гласный* — явление крайне редкое; нам удалось обнаружить только 23 примера такого написания: *братьею* 123, *вийтьемъ* 230, *о збитье мене* 205 об., *з его м[и]л[ос]тью*, *перед их м[и]л[ос]тью* 18 об., *позаплотью* 12, *судья* 130, *судьи* 156 (трижды), 203 об., *анна юрьева* 181 об., *шерстью* 116 об., 125, 142 об., 210 об., *здертье сукни* 113, *наштью* 205, *подартье* 25, 50, 193 об., *роздертье* 113 об. и др.

Об абсолютном преобладании надстрочных написаний согласных перед группой *ѣ + гласный* свидетельствуют следующие цифровые данные. Только на 54 первых листах Суд. кн. в концовках записей слово *сознание* употреблено 62 раза, а слово *оповедание* — 72 раза, причем буква *н* во всех 134 случаях написана над строкой и нет ни одного случая других написаний. Совершенно очевидно, что написания, приведенные в пункте 1, являются господствующими, нормальными. Таким образом, для решения вопроса о звуковом составе рассматриваемого нами комплекса решающее значение имеет написание согласного перед *ѣ* взметом, поэтому следует попытаться разгадать данную аббревиатуру. В связи с этим напомним, что в Суд. кн. взметом (над строкой) писались согласные буквы, за которыми следовали одна или несколько согласных, напр.: *безправне* 31, 58, *подле* 51, *быдло* 64, *ледве* 1, *сукня* 10 об., *личбы* 7 об., *алексајдро андрушкович* 55 и т. д. Взметом писалась и одна из двух одинаковых согласных (первая): *невинне* 26, *ошейног(о)* 20 об., *гайна* 103 об.

Согласные в положении между двумя гласными взметом пишутся сравнительно редко, напр.: *своими* 55, *даючи* 49 и др.

Только что перечисленные правила правописания, довольно точно соблюдавшиеся всеми писцами Суд. кн., дают основание полагать, что написание взметом согласного перед *ѣ* — сокращенное написание слова; следовательно, какие-то буквы считались писцом пропущенными. Нам кажется, что пропущенной буквой можно считать или букву *ь*, или вторую такую же букву, которая писалась взметом.

Таким образом, чтение таких слов, как *зеле* 78 об., *свиня* 161, *судьи* 156, 156 об., может быть двоякое: *зеле*, *свинья*, *судья* или же *зелье*, *свинья*, *судьи*. Оба произношения известны белорусским говором, первое северо-восточным, второе — юго-западным. В некоторых юго-западных говорах возможно и произношение, указанное в пункте 3 (подробнее см. Бел., II, 1, 291-300).

Станг (WRKS, 81 — 83), признавая возможным двоякое произношение группы *согл. + ѣ + гласный* (*свинья*, *свиння*), отмечает, что сочетания разных согласных с *ѣ* у разных писцов могли произноситься по одному из приведенных вариантов, то есть не обязательно одинаково всеми писцами во всех случаях.

Отверждение некоторых согласных

Ниже нами будет рассмотрен вопрос отверждения губных *б, м, п* и зубно-губных *в* и *ф*, звука *р*, шипящих *ж, ч, ш, щ*, а также *ц*.

Отверждение губных *б, м, п* и зубно-губных *в* и *ф*

В современном белорусском языке губные звуки *б, м, п* в положении перед *ь*, а также перед *ј* подверглись отверждению. В Суд. кн. с особенной последовательностью отверждение *м* наблюдается в конце слов (твор. пад. ед. ч.): *ножомъ* 188 об., *ечменемъ* 28 об., *болотомъ* 122 об., *вижомъ* 66, *дозволен[ь]емъ* 132, *зъ седломъ* 165, *[с] серпомъ* 155 об., *посохомъ* 194, *гостинцомъ* 221, *коберцомъ* 121. Отверждению подверглись и конечные *м* в словах *семь, восемь*: *осмъдесят грошей* 32, *за осмъ 10 гр[ошей]* 165, *осмъдесят* 196 об., *семнадцатеро быдла* 115.

Написания *пьючы* 28, *[села] п[а]на остаѣвеог[о]* 192, *п[а]на остаѣя воловича* 170 об., *от иншой брат[ь]и вьюков* 125 об. могли бы указывать на отверждение соответствующих согласных перед *ј*, но их слишком мало для определенного суждения по данному вопросу, тем более, что имеются и написания, противоречащие такому выводу. К таким написаниям, несомненно, относятся следующие примеры: *биючы* 144, *биючи* 194, 214, *биет[ь]* 160, *пиючи* 84, 100, 144, 148, 186, 212 об., 217 об., 219 об., 235 об. У нас нет никаких оснований полагать, что в приведенных выше написаниях (губной или губно-зубной + *и*) сочетания *би, пи* читались твердо. Другое дело написания *бючи* 90 об., *стадо свирепье* 208 об., *вехавшы в село* 167. Ввиду частого смешения букв *ь* и *ѣ* в таких написаниях можно видеть и твердое произношение соответствующих согласных перед *ь*. Неясными в смысле их звукового состава являются следующие написания: *пючи* 48, 51 об., *пючы* 114, *пianому* 144, *андрей мартинович юковича* 33 об., *андрей вюк* 175, *вюковичов* 204.

Реальность звукосочетаний *би, ви, пи* в наших примерах подтверждается и написанием в латинском тексте одного из имен Кояловича, автора „*Historiae Litvanae*“, на титульных листах I и II томов этой книги, а также в предисловии ко II тому, в форме *Wiwk*.

Если предположить, что звук *и* в звукосочетании *би + ј, пи + ј* и т.д. был очень кратким, то легко было бы объяснить все противоречивые написания, выстроив их в ряд *биючи, бючи, бьючи*, где вместе с постепенным сокращением *и* идет и отверждение губных и зубногубных согласных перед *ј*, а написания *пючи, вюк* можно объяснить неумением писцов передать йотацию имеющимися в их распоряжении графическими средствами. Однако для окончательного решения данного вопроса необходимо расширить хронологические рамки исследуемого нами материала.

Отверждение *р*

Как и в старину, для обозначения мягкости *р* после него пишутся буквы *и, я, а, е, ъ, ю*. Следует тут же отметить, что в словах славянского происхождения мы обнаружили только один пример звукосочетания *рю*.

Такое звуко сочетание находим также в двух названиях урочищ: *на ниву на горе в рочищомъ андрю* 69 об., *сеножат[ь]... в рочищом пикирю* 73. Следует также отметить, что буквы *е* и *є* не дают никакого основания для суждения о мягкости или твердости предшествующего им согласного звука, так как в Суд. кн. нет соотносительной пары букв, из которых одна указывала бы на твердость, а другая на мягкость предшествующего согласного звука, как это имеет место, напр., в современной белорусской и других славянских азбуках. Только в случае перехода *е* в *о* написание *о* после *р* указывает на твердость последнего.

После этих наших общих замечаний приведем примеры звуко сочетаний *ри*, *ря*, *рь* и *рю* в Суд. кн.:

ри: *приходилъ* 2, *приходил* 2 об., 3, 4, 4 об., 10, 10 об., 11, 12, 12 об., 14, 14 об., 15, 15 об. и т. д., *приходили* 3, 4, 9 об., 12 и т. д., *пришодши* 5, 5 об., 8, 13, 13 об., 14 и т. д., *приходила* 9, 81 об. и т. д. Звуко сочетание *ры* в приставке *при-* вышеприведенных слов находим только у последовательно твердоэрого писца на листах 28—29, 79—80, 104—107. Другие примеры: *яриноу* 4 об., *ярива* 224 об., *при ярине* 210 об., *гридно* 44 об., *в гридни* 222, *гривы* 98, *кридѣ* 176.

ря: *врядник* 59 об., 63 об., *до вряду* 16 об., 18, 21 об., *до вряду* 100, *на г[о]с[пода]ря короля* 24 об., *дворянин* 59, *писаря* 199, *горат[ь]* 172, *на дверях* 149 об., *декабря* 146 об.

рь: *г[о]с[пода]рьски* 10, 11, 15, 17 и на многих других листах. Необходимо отметить, что в словах *господарь*, *господарский*, *дворянин*, *вряд*, *врядник* и *писарь* в большинстве случаев находим написания с *ря*, *рь*.

рю: *г[о]с[по]д[а]рю королю* 36 об.

Однако следует иметь в виду, что и твердоэрые написания с сочетаниями *ры*, *ра*, *ру*, *ро* и *ръ* очень распространенное явление, например:

ры < *ри*: *дверы* 149 об. (дважды) (ср. *двери* 113, 144, 172), *бояры* 104, 163, *боярына* 104, *лавыну* 28, *лавын* 106, *лавыновичъ* 104, *прыежьджаючы* 163, *пры* 163, *приходил* 28, 104, 163, *пришодши* 106, 107 об., *рымкевич* 150, *на твары* 88, 191, 191 об., *юры* 106 об., *рыкун[ь]я* 168 об., *в рыкунстве* 216 об., *с товариши* 71 об., *чотыры* 65, *рымского* 2. Имеется несколько случаев написания *ри* вместо *ры*: *добрими люд[ь]ми* 120, *людей добрих* 184, *котори* 95 об., *риб* 44 об., *рибу* 46 (но: *рыбу* 119 об.).

ра < *ря*: *на врад* 19, 39, *на вrade* 170 об., *перед врадом* 24, 33 об., *до вряду* 3, *з ураду* 20 об., *до врадѣ* 14 об., 147, *перед врадом* 19 об., *до вряду* 15, 18 об., 143 об., 169, *до...вряду* 10, 20, 25, 112 об., 143 об., 145 об., 146, 147 об., 155, 184, *врадѣника* 131 об., *врадника* 63 об., 147 об., *врадник* 148, *врадвое* 20 об., *врадвых* 17 об., 27, 27 об., 38 об., *град*, *граду*, *градѣ* 121 об. (но там же *гряд*), *до девера* 142, *девера* 81, *доверяючы* 133 об., *писара* 32 об., 46, 104 об., *от поветра* 130, *змэрал* 142 об., *на г[о]с[пода]ра* 25, *помераючи ему вволокы* 15, *п्राжы* 150, *декабра* 124 об., *генвара* 140, 144 об., *сентябра* 100, 112 об., 113, 113 об., 114, 116, 117, 118, *октебра* 124, *ноевра* 146, *ноевра* 127, *ноябра* 141, *секратара* 52.

ру < *рю*: *г[о]с[пода]ру* 19, 24.

ръ < *рь*: *теперь* 29, *г[о]с[пода]рьской* 113, *г[о]с[пода]рьский* 115

об., 116, 144 об., 156, *г[о]с[пода]рьскимъ* 116, *г[о]с[пода]рьская* 143 об. *ро < ре: поперокъ* 214 об., *берозовым* 52 об.; *трох* 16 об., 49 об. (дважды), 128 об., *до трохъ* 122 об., *четырохъ* 18 об.

Приведенный материал дает достаточное основание для утверждения, что писцам-литовцам не был чужд твердый звук *р < 'р*. Даже в часто повторяющихся в актовом языке словах *господарь*, *писарь*, *дворянин* и др., а также в названиях месяцев *сентябрь*, *октябрь*, *ноябрь* и *декабрь*, где писцы зрительно могли воспринимать и передавать из поколения в поколение на письме, иногда независимо от произношения¹², старинные сочетания *рь*, *ря*, сравнительно часто находим твердые сочетания *ръ*, *ра*, что должно было иметь основание в произношении писцов. Особенно же ясно видно четкое различие писцами сочетаний *рю* и *ру*. Сочетание *рю*, как мы видели, обнаружено только в одном случае в слове славянского происхождения, а также в двух литовских словах (в названиях урочищ). Что же касается сочетаний *ри*, *ря*, то тут мог оказать влияние и литовский язык. Сочетания *ри* находим даже в словах *рыба* и *который*. Однако, как мы видели, имеются и сочетания *ры < ри*¹³.

Отвердение *ц* и шипящих *ж*, *ч*, *ш*, *щ*

В отвердении звука *ц* не может быть никакого сомнения: все без исключения писцы после *ц* пишут только буквы *а*, *о*, *у*, *ы*, *ѣ*. Появление в двух случаях *ю* после *ц* в окончаниях твор. пад. ед. ч. часто употребляемого полонизма *моц* положения не меняет. Из имеющегося у нас большого количества примеров приведем только некоторые: *моцю* (насильно) 4 об., *э моцю* (с полномочием) 205 об. (обычно *моцу*), *дворца* 3 об., 128 об., *ѣ границах* 127 об., *над пал[ь]ями* 31, *концовы* 201 об., *пшеницю* 26 об., *чзрвницю* 74, *в концу* 116, *границу* 117, *ѣ пятницю* 2 об., 9 об., *на хлопѣцу* 118 об., *дранци* 235, *копцы* 58, *крыницы* 94 об., *небощцы* 132 об., *потылицы* 32, *пшеницы* 83, *ѣ светлицы* 114, *цыбулю* 75, 121 об., *цыновы* 229 об., *яловиць* 115, *отець* 65, *копещь* 199.

Переходим к шипящим *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, после которых в словах славянского происхождения все писцы последовательно пишут буквы *а*, *у*. Только в одном случае находим *я* после *ж*: *служачи* 8 *лопах* 192 об.

жа, *жу*: *жаль* 1, 114 об., 144, *жалобу* 1 об., 139 об., *пожал* 55, *вежа* 220 об.

ча, *чу*: *часть* 105 об., *часу* 1, 186, *почала* 26, *чужую* 26, *чужие* 4 об., *ша*, *шу*: *шапка* 10 об., 74 об., *душа* 35, *шуканочы* 114, *шупка* 229 об., *шурына* 231, *вершу* 23 об.

ща, *щу*: *мещанин* 14 об., *селища* 231, *в пушу* 131 об., *рѣжищу* 71, 77 об., *но прудищу* 68 об.

Написания *я*, *ю* после шипящих находим только в литовских личных именах и отчасти в топонимике. Вот соответствующие примеры: *печюлевича*

¹² Даже последовательно твердый писец (листы 28—29, 79—80, 104—107) в словах *вряд* и *господарский* после *р* пишет только *ь* и *я*.

¹³ Ср. Н. *Turska*. О powstaniu polskiego obszaru językowego na Wileńszczyźnie, [Wilno, 1939], str. 108—111. В дальнейшем—Турская.

72, зовия мачюлева 73, мачюл[ь] юѡткович, мачюлю 83 об., 8 домѡ мачюлевой 97 об., на мачюла 195, з якубомѡ а мачюлемѡ 211, на мачюлю 209 об., мачюлевичовѡ 226, на павлюша 193, на стошя 99, сташию 236, стошию 188 об. (дважды), на сташия 27 об., (на) петкоженча 215, нива ѡрочищомѡ жадчюшка 226 об., 8 селе вилчятѡв 84.

Приведенные примеры указывают на то, что писцы отчетливо различали сочетания шипящих + а, у в словах славянского происхождения от сочетаний шипящих + я, ю в литовской ономастике и что это различие выражалось не только на письме, но должно было присутствовать и в их произношении.

Об отвердении шипящих свидетельствуют также написания после них ѡ и о<е, напр.: ѡдолжь 117, клячь двое 131 об., с корчѡмы 124, прочь 130, 135, дощѡки 125, вершь 198, попеникгичь 14 об., юхновичь 13 и в других собственных именах с суффиксом -ич. Некоторые из немногих написаний с ѡ после шипящих можно рассматривать как графическое явление смещения букв ѡ и ѡ: ѡдолжь 154 об., томашь 75. Примеры о<е после шипящих: жонце 78 об., шостого 126 об., пчолы 17, на чолѡ 13 об., 65, урочищом 41 об. и др. примеры (см. стр. 91).

Что касается сочетаний жи, чи, ши, щѡ и жы, чы, шы, щы, то в абсолютном большинстве случаев в Суд. кн. находим первые, хотя имеется и значительное количество примеров сочетаний жы, чы, шы, щы, напр.:

жи, чи, ши, щѡ: живота, за живота 3, на жите, з жита 4 об., межи (между) 6, 60, 90, 98 об., 188, мужика 229, положилъ 1 об., будучи 2, 100, выскочил 223 об., гречихи 224 об., купчими 236 об., на плечи 5, 10, 22, 33, 70 об., 87, 89, 102 об., причины 12 об., 61 об., 82 об., чырвонымъ 121, верши 198, 205, выгнавши 223 об., широко 198, конюши 138, до пущи 39, 209, пустовщиэнъ 151 об., речиши 7.

жы, чы, шы, щы: в вежы 148 об., 149 об., 8 вежы 148 об., мужыцкими 127 об., жыто 117, на иржыща 115, на ржыщу 224 об., будучы 128 об., 137, оручы, складаючы 184, выпускаючы 142, гречихи 128 об., на левом плечы 124 об., чырвоными 122, чырвоных 121, вшырки 36 об., грошы 133, ставшы 100, 8 пушы 215 об., привлащыти 120 об., будущымъ 79 и мн. др.

На листах 28—29, 79—80, 104—107, писанных одним писцом, господствуют сочетания жы, чы, шы, щы. К нему примыкает писец листов 113—143 и др. Ни у одного из остальных писцов в передаче твердости-мягкости шипящих звуков такой последовательности не наблюдается.

Рассматривая шипящие звуки в белорусском языке и приводя примеры их отвердения в старой белорусской письменности, Карский (Бел., II, 1, 379) отмечает, что „раньше всего начали обозначать эту твердость при и, вероятно, не без влияния польского языка и графики, особенно в памятниках 16 в.“ Это замечание Карского никоим образом не применимо к Суд. кн., где, как можно было видеть из приведенного нами фактического материала, после шипящих преобладает на письме о, и где после тех же шипящих в словах славянского происхождения совершенно не находим я, ю. Отверждение шипящих в нашем памятнике выражено перед и менее

ярко, чем перед другими гласными. Станг (WRKS, 77) в 162 королевских грамотах периода 1492 — 1548 гг. обнаружил только 12 примеров сочетаний *шипящий + ы* (в пяти грамотах). Далее (стр. 119) он отмечает, что и после смерти Сигисмунда I (1548) еще некоторое время писали после шипящих преимущественно *и*. Только в грамотах Сигисмунда Августа (1548 — 1572) *жы, чы, шы, цы* появляются все чаще.

Королевские писари, как люди более грамотные и начитанные, могли дольше придерживаться традиционных написаний с *и*, чем поветовые писцы. Что же касается Суд. кн., то следует иметь в виду, что преобладание в ней *и* после шипящих могло быть в некоторой степени и следствием влияния литовского языка, в котором, вообще говоря, возможны только сочетания *ši, či, ži, žu* и т. д. (ср. Турская, 102 — 104).

Дзеканье и цеканье

Дзеканье и цеканье одна из характерных черт белорусского консонантизма. Заключается она в том, что звуки *д* и *т*, когда им приходится быть мягкими, то они, как говорит Карский, „становятся слишком мягкими и при этом приобретают свистящий оттенок как бы развивая после себя *з* (после *д*) и *с* (после *т*), которые с ними тесно сливаются“ (Бел., II, 1, 344).

Современное белорусское письмо для передачи таких звуков использует *дз* и *ц*. В Суд. кн., как и во всей старой белорусской письменности, для передачи рассматриваемых звуков употребляются, как правило, буквы *д* и *т*, напр.: *приходили* 56, *приходила* 102, *на дереве* 143, *збити* 78, *тепер* 17, *тело* 140 об. и т. д.

Имеется, однако, в Суд. кн. небольшое количество примеров обозначения мягкого *т* посредством *ц*, что свидетельствует о наличии цеканья в произношении писцов: *сець* 46 (но *сети две* 119 об.), *труцизну* 78 (при *труцизны* 78 об.), *служечи жолнерскую 8 роце небощика* *n[a]на зеленског[o]* 185 об. (но *роты* 145), *выцесал* 194 об., *выцесаний* 195, *до тця, подле дому тця* 34, *до тця* 196 об., *на тыцьця* 87 (из *тьсть*), *щцели* 199, *щцаты* 199 об., *припон плоцны* 229 об. В одном случае писец нашел возможным написать *т* на месте *ц* <к: *ω той шинкарте* 229.

Отражением дзеканья и цеканья является своего рода двойное смягчение *д* и *т* путем написания после них *ь* и одной из так называемых „мягких“ гласных (*и, е, я, ю*): *рану тьятую* 143, *тьелятника* 166 об. (дважды), *приятъел n[a]ших* 179, *гостья (привел)* 192 об., *из дьетками моими* 145, *дьевку* 180 об. (дважды), 180, *дьевки* 180, *дьятко* 180, *суседьы мои* 181 об., *людьы* 214 об., *две дьюры* 220 об. Другие согласные таким образом не смягчаются.

Рассмотрим еще сочетания *ды* и *ты* в литовских собственных именах (личных и в топонимике): *матыс* 33 об., 41 об., 121, *микутыс* 98, *щепутыс* 150, *чиклайтыс* 162 об., *вашутыс* 204, *петкожентыс* 215, *до дому мартина дыла* 233 об., *(сеножать) вровичом мажутышкю* 179 об., *керунт на восткурдышках* 213 а об., *над ручаемь чутыномь* 223, *(телятник) вровичом*

чыцомъ пилтынею 230, на ниве 8рочищомъ будавиетыс 236, сеножать[ь] 8рочищомъ дыдеси 219.

Окончания им. пад. ед. ч. *-is, -us* в литовских собственных именах с другими гласными в окончаниях основы (не *д, т*) всегда пишутся *-ис, -ус*, напр.: *сташелись* 208 об., *венис* 207 об., *бонис* 210 об., *бублис* 3, *волись* 28, *пуйкис* 41, 46, *стошис* 97, *сташис* 224 об. и др.

Совершенно очевидно, что сочетания *ни, ли, ки* одинаково употреблялись писцами как в белорусских словах *николи, лист, яки* и т. д., так и в литовских собственных именах *Venys, Būblis, Pūikis* и т. д. потому, что они одинаково звучали в произношении писцов и в белорусских, и в литовских словах. Написания же *ы* после мягких литовских звуков *d', t'* свидетельствует о том, что писцы отчетливо слышали разницу в произношении *dī, tī, dū, tū* в литовских собственных именах *Mačys Mikūlis, Didės[iai]* и сочетаний *ди, ти* в белорусских словах *дитя, ходили, збити*, причем *ы* после *д* и *т* в литовских словах является свидетельством того, что белорусские *д* и *т* в сочетаниях *ди, ти* были значительно мягче литовских *dī, tī, dū, tū*. Возможно даже, что сочетания *ди, ти* в белорусских словах читались писцами как *дзі, ці*. Вот почему написания литовских имен с *и* после *д* и *т* (*Дила, Дидеси, Мажутис, Вашутис*) казались писцу неприемлемыми для передачи сочетаний *dī, tī, dū, tū*. Было бы, однако, ошибочным думать, что звуки *д, т* в словах *Дыла, Вашутыс* в произношении литовцев равнялись звукам *д* и *т* в белорусских словах *дым, тым*, так же, как нельзя, напр., делать такого вывода из передачи литовских фамилий в белорусской газете „Літаратура і мастацтва“: *Жэмайтэ, Сіманайтэ* (1957, № 40), *Шульцайтэ, Аляшкевічутэ, Ясюкайтэ* (1958, № 77). Ср. „Ды вэльт“ — название немецкой газеты „Die Welt“ в „Літ. і М.“, 1957, №13.

В нелитовских иноязычных собственных именах в Суд. кн. после *д* и *т* находим обычно *ы*, но попадают и *и*, напр.: *августын* 1, 4, 14, *бenedикта* 46, *бenedыктовну* 187, *валентину* 41, 60, *валентина* 46, *валентин* 59 об., 84 об., *валентыну* 59, об., 98, 122, *валентыном* 138, *валентына* 187 об., *владиславовны* 47 об., *мартынковичи* 88, *себестыянович* 83, *себестыяна* 143 об., *тытовича* 109 об.

Не является отражением дзеканья: *п[а]на бриндзи* 214 об. при *пан бриндза* 215 (то же лицо).

Не попытка ли как-то обозначить дзеканье в примере *зержавцы* 28, при обычном *державць* 233, *8 держане* 237 и др.

В заключение отметим, что дзеканье и цеканье прямо (*сець, 8цели, дьетками, люды*) и косвенно (*Дыла, Мажутыс*) отразились в Суд. кн., что дает право предполагать его наличие и в произношении писцов.

Задненебные *г, к, х*

Отметим прежде всего, что старинных сочетаний *гы, кы, хы* не осталось никаких следов, на их месте постоянно находим *ги, ки, хи*, напр.: *сохи* 45 об., *ноги, руки* 22, *многими* 21, 52, *знаки* 194 об., *кий* 141 об. >

кием 26, 51 об., киемъ 114 об., кинул 139 об., 155, 166, 183, кислог[о] 223 об., птахи 141, гречыхи 128 об., 133 об., 113 об., речки 221 об., полуги 23 об. и много других примеров.

В сочетании с *e* происходит обычное для белорусского и украинского языка переходное смягчение звуков *г, к, х* в *з, ц, с*, напр.: *едвизе* 85 об., *едъвизе* 122, *ку дорозе* 124, *слузе* 114, *на дорозе* 71, *в ноze* 135, *дотце* 3 об., 24, 26, *на боце* 106 об., *на той волоце* 95 об., *на луце* 190 об., *на левой рѣце* 124 об., *на правой руце* 26, *в скринце* 140 об., *в которой шапце* 191 об., *на той сеножати соснове* 115, *в которой гречысе* 134, *на гречысе* 141, *гречысе* 105 и др.

В двух случаях находим *к* перед *e* вместо обычного в белорусском языке *ч*: *видел есми на той ниве бори двои збитые, роскепаные* 33, *над рукаем* 15, при обычном *ручай* 83, *ручаемъ* 82 об., *над ручаемъ* 221 об., *ручемъ* 90, *ручя* 131 об. (ср. *Br. Sl. et.*). Карский (Бел., II, 1, 365, 368) приводит несколько примеров с корнем *скеп-*: *скепають, скепають* (XVI в.) и *скепаець* (Ром., I—II, 244), *Раскѣп* (Нос. Сл.). Этот же корень в *Дрываскѣпы* (А. Кулакоўскі. Расстаемя ненадоўга).

Мягкий звук *к* перед *'а, 'у* (на письме *я, а, ю*) находим только в словах литовских (ономастика): *на сташия вевяюйкя* 27 об., (*кгрунт*) *на восткурдышкях* 213 а об., *нива врочищомъ жадчиюшка* 226 об., (*сеножать*) *врочищом мажутышкю* 179 об., (*нива*) *мицкушкю* 230, (*поле*) *врочищом минюшкю* 57 об., (*лука*) *врочищом моцшкю* 42, (*нива*) *врочищомъ станкушкю* 230 об., (*нива*) *юркгеликю* 220, *в дому юр[ъ]я яковишкя* 213, (*ниву*) *названу янишкю* 179.

Отметим сочетания *-кь* в конце слова: *миколай станицлавович волкь* 225 об., *андрей волкь* 219 об., *говторокь* 91, 207 об. (дважды), 226, 231 об., *мышникь* 203 об. (дважды), *в понеделокь* 203 об., 204, *поперокь* 214 об., *протеребокь* 231 об., *сорокь* 205, *такь* 152 об., 204, 205, 208 об., 212 *ѣтекь* 204, *ч[ол][о]векь* 120 (дважды), *тоть рокь* 205 об.

Из 23 примеров сочетаний *-кь* 19 принадлежит одному писцу (листы 186—237). Трудно сказать, графическое ли это явление смещения букв *ь* и *ѣ*, встречающееся у рассматриваемого писца чаще чем у остальных писцов и после других букв, или же это отражение его индивидуального произношения. Остальные 4 примера легко объяснить смешением *ь* и *ѣ*.

Фрикативный звук *h* в словах исконно белорусских обозначается буквой *г*, взрывной же *г* в литовских собственных именах и в заимствованных из других языков словах сочетанием букв *кг*, причем такое обозначение указанных звуков проводится с необыкновенной последовательностью, что свидетельствует о четком разграничении писцами фрикативных и взрывных *h* и *г*. Ниже даем несколько примеров:

1) Буква *г* в исконно белорусских словах: *гай* 128 об., *быдло до воды гнано* 115, *з гневу* 166, *всих голов шест[ь]* 27 об., *з головы* 60, *новые границы* 58, *ноги* 22, *гречыхи* 128 об., *на грудехъ* 207, *дороги новые* 10, *в гридни* 144 и т. д.

2) Сочетания букв *кг* для обозначения иноязычного взрывного задне-небного звука *g*:

а) в заимствованных из разных языков словах: *кгда* 4, *кгвезда* 102, *суда кгродского* 217, *моркги три* 15, *кгвалтом* 18, *кгвалтомъ* 28 об., *на властномъ кгрунте* 28 об. и др.;

б) в литовских собственных именах: (*нива*) *в поли шилокголи*, (*именье*) *вжукгирское* 81 об., (*сеножатъ*) *в рокгуолях* 72, (*именье*) *за сморггойнами* 151, (*ниву*) *пакгал валкис* 212 об., (*нива*) *врочищомъ в кгилимах* 222, *матей кгинкович* 167, *кгедройтя* 155 об., *кгрикга* 121, *жыкгъмонт* 130 об., *матыс якгинтович* 60, *на петра а бортка якгейловичов* 200 и мн. др.

Четко различались писцами и звуки *г* (*h*) и *х*, так как смешение букв *г* и *х* не наблюдается. Не замечено и смешение звуков *х* и *к*.

Звукосочетание *гв-* в слове *кгвезда* 102 следует рассматривать не как фонетическое, а как лексическое заимствование из польского языка.

Передача праславянских сочетаний *dj*, *tj*

Праславянские группы *dj*, *tj* передаются последовательно через *ж* и *ч*. *ж < dj*: *вижомъ* 66, *за вижом* 17 об., (*плот*) *загорожены* 47 об., *загороженный* 222, *межи нами* 6, *межи гречишою* 60, *межи собою* 90, *межи плечами* 98 об., *межи его двама нивами* 14, *межу содрал* 14, *содрали между* 25, *рожоною* 76, *одежи* 140, *лет[а] бож[ого] нарощ[енья]* 1566 7, *присужону* 225 и т. д. Старославянская огласовка *жд* отсутствует.

ч < tj: *на плечах* 63, *на плечи правом* 10, 33, *на плечи правомъ* 5, *на левом плечу* 59 об., *помоч* 17, *с помочниками* 21, 32, *общое право* 167 об., *до гумъна общого* 75, *седячою* 98 об., *орущий* 25, *лежачи* 3 об., *лежащую* 89 и мн. др.

Слова *моц*, *моцны*, как и в современном белорусском языке, находим только в польской огласовке: *моцы* 3 об., 8, 79, 102, *моцно* 18, *моц* 3, 7, 151 об. и т. д. Впрочем, слова эти, как и слово *квезда*, являются лексическими заимствованиями из польского языка. *ц* в лексическом заимствовании из польского языка *овоцы* 15 чередуется со *щ*: (э) *садъми овощовыми* 127 об., *над огородом бывшим овощовым* 53.

Церковнославянскую огласовку со *щ* (при обычном *ч*) находим только в четырех случаях: *будущимъ* 7 об., *будущым* 79, *прислухающими* 127 об., *будущим* 39.

Переход звуков *в* и *л* в *ў*

В переходе *в* в *ў* в определенных условиях, как показывают многочисленные случаи, не может быть сомнения. Вот примеры перехода начального *в-*, а также предлога *в* в *ў*: *взявши* 10 об., *взяли* 23 об., *взял* 27, 33, 63 об., *без бытности н[а]шой в дому* 56 об., *бродячи в поборе* 23 об., *з унуки* 79 об., *з внуками* 16 об., *вписано* 37, 124, *вдовою* 192 и др.

О переходе *в* в *ў* свидетельствуют и сверхнормальные написания *в* вместо этимологического *у*: *врочищом* 9 об., 30 об. (при обычном *врочищом* 225 и т. д.), *вдарил* 15 об., 155, *в заставе в нее* 9, *втек* 1, *будучы в него*

180 об., *в дому в него* 133, 134 об., *вчинили* 8, 23, *вчинил* 19. Отметим, что чередование *в—у* и *у—в* свойственны всем писцам, причем у одного и того же писца в одном и том же слове можно найти рядом написания с *в* и с *ѹ*, напр.: в *середѹ*, *ѹ середѹ* 59 об., *ѹчорашигънего дня* 192, *дня вчорашинего* 192 об., *ѹтек*, *втек* 112 об., *в дому корчомъномъ в мещанки каплицкой ѹ волковой* 2 об.

Отражением перехода *л* в *ѹ* является смешение в известных условиях букв *л* и *ѹ*, как обозначающих один и тот же звук. Несомненный случай такого смешения имеем в написании *л* вместо обычного *ѹ* в слове *вовторок*. На стр. 100 дважды написано *волторок*. Возможно, что буква *л* вместо *ѹ* написана в этом же слове на листах 147 (1,6 строки снизу и 8 сверху), 148 (11 строка сверху).

Протеза согласных звуков

Примеров протетических согласных звуков немного. Вот они: *ѹ вове* 102 об., 104 об. (ср. *ѹ овве* 209), *в томъ же вогороде* 75. Последний пример можно истолковать и так: *в томъ же в огороде. ѹ вопетце ѹтцима* 152 об., *за сморкгойнями ѹ вострове за вел[ѹ]ю* 151, *ѹ вугле границы* 116. Иначе на дело смотрит Карский. Он *ув-*, *уво-* рассматривает как сложный предлог (Бел., II, 1, 334). Нам кажется, что нет протетического *ѹ* в предложном обороте *вовторок* 23, 87, 90, 99, 194, 212, *вовторокъ* 76, *воѹвторокъ* 62 и др. Тут следует расчленять *ѹ овторок* (ср. бел. *аўторак*), или *во второк* (ср. русск. *во вторник*, польское *we wtorek*), где *во* < *ѹѹ*. Имеется и пример протетического звука *г*: *ѹ гаѹ галешниковы*, *з голешнику ручеемъ ѹ реку* 90.

Формы 3 лица ед. и мн. ч. личных местоимений употребляются обычно с протетическим звуком *н*: *ѹ нее* 9, *ѹ него* 134 об., 180.

Нет вставки *ѹ* в слове *новебра* 130 об. (дважды).

Другие явления в области согласных звуков

1. В Суд. кн. употребляется только *хт* < *кт*, *шт* < *чт*: *хто* 8, 24, *што* 1, 4, 17, 45 и т. д.

2. *ч* < *гг*, *кк*: *утечи до дому* 106 об., *а я ѹжо до того вечными чашы ничог[о] мети не маю и мочи не буду* 151 об.

3. Буква *щ* в Суд. кн. обозначает сложный звук *шч*: *до пушчи* 39, *ѹрочишчомъ* 43 об. (при обычном *ѹрочищом* 131 об., *ѹрочищомъ* 222, 224) и др. Уподобление предлога *с* следующему за ним звуку *ч* обозначается буквами *шч* и *щ*: *ш човеком* 43, *ш чыим* 166 об., *ш чыю* 144, *щелед[ѹ]ю* (то есть с *челедью*).

4. Звук *дж* выступает только в глагольных формах и обозначается, как и в других памятниках старой белорусской письменности, буквами *дч*: *выеждчали* 152 об., *выеждчаючи* 173, 223 об., *еждчывали* 118, *еждчивали* 21 об., 22 об., *приеждчаючы* 112 об., 143, 168 и т. д. Отметим еще: *приежчал* 125 об., 130, 142 и *прыежджаючы* 163, *печелинджеву* 232 об.

5. Переход *ф* в *п*, *х*, *хв*: *запе матеевна* 230, *з жоною зопутою* 45, *зопя петрова* 55 об., *в дому хоминомъ* 111, *яжима мартиновича* 125, 191, *до подданных пани зохвейных* 63 об. (ср. там же *врядник п[а]ни зохвейнин*).

6. *ф* на месте *в* имеем в прилагательном, образованном от названия местности *Зельва*: *зел[ь]вского* 28, 98, *зел[ь]вског[о]* 100.

7. Рядом с обычной для Суд. кн. формой собственного имени *Матей*, *Матеевич* употреблена несколько раз форма с *ѳ*: *матеевича* 67, 162 об., *матеевичу* 163.

8. Группы *бј*, *пј*, *вј* передаются через *б*, *п*, *в* и *бл*, *пл*, *вл*, напр.: *потеребен[ь]е*, *потеребено* 26 об., *поставену* 44 об., *потеребены* 201, *здоровен[ь]ю* 78 об. и т. д.; *потереблено* 27, *потереблен[ь]е*, *потереблены* 180 об., *купленный*, *куплен* 181 об., *поступлю* 232 и т. д.

9. Случаи смешения звуков *ц* и *ч*: *сполицковал* 137 (ср. *сполицковал* 97 об., 155, 213), *слова нещцствивыми* 104 (ср. *нещчтивыми* *слова* 74), *именейча* 156 (в той же записи *именица* 156 об.).

Краткие выводы

1. Система графики и орфографии Суд. кн. не отличается от графики и орфографии королевских грамот середины XVI в. (WRKS).

2. С уверенностью можно сказать, что, если не весь текст, то абсолютное его большинство написано писцами литовцами, достаточным доказательством чему могут служить:

а) наличие литовских дифтонгов *ie*, *io* (на письме *ie*, *yo*) в литовских собственных именах (17 примеров);

б) смешение на письме букв *и* и *ы* в словах славянского происхождения, то есть написание *ы* на месте *и* (51 пример) и наоборот — написание *и* на месте *ы* (33 примера). Такие написания свидетельствуют, конечно, о колебаниях в произношении звуков *и* и *ы*;

в) систематический пропуск предлога *с* перед словами, начинающимися буквой *с* (25 примеров), а также тенденция к упрощению геминат *н*.

3. В Суд. кн. отразились аканье, дзеканье и цеканье, отвердение шипящих звуков и *р*, фрикативный звук *ћ* и другие характерные черты белорусской фонетики.

Сравнительный анализ отражения в Суд. кн. некоторых фонетических особенностей белорусского и литовского языков дает нам дополнительный (сравнительно с памятниками письменности, возникшими не на литовской языковой территории) материал для суждения о качестве некоторых белорусских звуков. Например, отсутствие в белорусских словах сочетаний *чю*, *чы* и наличие их в литовских собственных именах свидетельствует о твердости белорусского звука *ч*; почти то же можно сказать и о сочетании *рю*. Значительно большую степень мягкости белорусских мягких *д* и *т*, чем таких же мягких литовских звуков, показывают написания в литовских собственных именах *ы* после *д* и *т*.

4. Необходимо отметить значительное влияние польского языка в области фонетики.

5. В Суд. кн. обнаружен только незначительный след влияния церковнославянского языка в виде четырех случаев употребления причастий на *щ* рядом с массово употребляемым *ч*.

XVI a. BALTARUSIŲ AKTŲ KALBOS FONETIKOS KLAUSIMAI

Pagal 1566—1567 m. Kauno žemės teismų (aktų) knygą

A. ANTONOVIČIUS

Reziūmė

1. Teismų knygos rašybos sistema nesiskiria nuo XVI a. karališkųjų raštų rašybos (WRKS).

2. Galima drąsiai tvirtinti, kad bent didžiąją teksto dalį rašė raštininkai lietuviai. Tai matyti iš to:

a) lietuviškuose varduose grafiškai išskiriami lietuvių dvibalsiai *ie*, *uo* (rašoma *ue*, *yw*, — 17 pavyzdžių);

b) slavų kilmės žodžiuose *u* ir *ы* painiojamos, t.y. *u* rašoma vietoje *ы* (51 pvz.) ir atvirkščiai — *ы* — vietoje *u* (33 pvz.). Tai rodo garsų *u* ir *ы* tarties svyravimą;

c) prielinksnis *c* sistemingai praleidžiamas prieš žodžius, prasidedančius *c* raide (25 pvz.); vengiama geminatos *нн*, painiojamos *нн* ir *н*.

3. Teismų knygos kalbai būdinga „akavimas“, „dzekavimas“ ir „cekavimas“, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* ir *р* depalatalizacija, friktyvinis *h* ir kitos baltarusių kalbai būdingos fonetikos ypatybės.

Lyginamoji teismų knygoje atsispindinčių baltarusių ir lietuvių fonetikos ypatybių analizė duoda naujos medžiagos, patikslinančios kai kuriuos baltarusių kalbos garsus, apie kuriuos iki šiol būdavo sprendžiama iš rašto paminklų, atsiradusių ne lietuvių kalbos teritorijoje. Tai, kad baltarusių kalbos žodžiuose nėra *чио* ir *чя* samplaikų, bet jos vartojamos lietuviškuose varduose, rodo baltarusių *ч* kietumą; tą patį galima pasakyti ir apie samplaiką *рю*. Kadangi lietuviškuose varduose po *Ѡ* ir *т* rašomas *ы*, galima spręsti, kad minkštieji baltarusių *Ѡ* ir *т* yra žymiai minkštesni už atitinkamus lietuvių kalbos priebalsius.

4. Gana stipri lenkų kalbos įtaka baltarusių kalbos fonetikai.

5. Teismų knygoje aptikta tik labai nežymių bažnytinės slavų kalbos įtakos pėdsakų (keturiais atvejais pavartotas dalyvis su *щ* šalia nuolat vartojamo dalyvio su *ч*).